

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВИДЕНИЕ В ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....

В статье анализируется понятие «национально-культурное мировидение» в преломлении к двуязычной коммуникации, выявляются особенности национально-культурной картины мира носителей испанского языка, устанавливаются релевантные для перевода типы расхождений между мировидениями испаноязычного и русскоязычного лингвоэтнических сообществ. Например, испанские тексты средств массовой информации насыщены особыми «экзотическими» лексическими единицами, яркими стилистическими оборотами, образными выражениями, синтаксическими конструкциями и текстовыми структурами, которые при их употреблении в звучащей или в письменной речи оказываются непривычными и неожиданными для носителей русского языка. Часто используется лексика, «чуждая» описываемой в тексте предметной сфере. Отмечена высокая частотность использования моделей неологизации и сочетаемости лексем событийной семантики. Определяются пути преодоления национально-культурных различий для адекватного перевода политических, юридических, экономических текстов с испанского языка на русский. Сделан вывод о том, что дифференциал проявлений национально-культурных мировидений лингвоэтнических общностей является четвертой онтологической причиной различий между языками.

.....

Ключевые слова: национально-культурное мировидение, испанский язык, медийные тексты, перевод.

Мировидение, национально-культурное мировидение, концептуальная картина мира, языковая картина мира – понятия, которые на протяжении последних 200 лет занимают умы философов и лингвистов. Термин *мировидение* (нем. *Weltansicht*) в его лингвофило-софском осмыслении ввели в научный обиход в начале XIX в. выдающиеся немецкие ученые Фридрих Шеллинг и Вильгельм фон Гумбольдт. Для них, как и для их последователей неогумбольдтианцев, особое духовное и психологическое мировидение народа существует исключительно в неразрывной связи с идиоэтничностью родного языка, в котором заложено своеобразное восприятие окружающего мира. «Каждый язык в его содержаниях, – утверждал В. фон Гумбольдт, – обладает собственной картиной мира, присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Язык не является просто средством общения, он выражение духа и мировидения говорящего».

Развивая эту мысль, В. Гумбольдт настаивал на том, что «всякий язык описывает вокруг нации, к которой он относится, круг, выйти за пределы коего он может лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Изучение чужого языка является приобретением новой точки зрения в имевшемся до того мировидении, ибо всякий язык содержит всю ткань понятий и способов представления одной части человечества».

Картина мира, согласно немецкой лингвофило-софской традиции научного знания, представлена в родном языке и воспринимается его носителями как нечто естественное. Пребывая во власти родного языка, человек оказывается в плену языкового реализма понятийного мира родного языка. Картина мира включает в себя определенную, «естественную» философию, систему ценностей, когнитивные модели, специфические закономерности поведения. Тип видения мира предполагает некоторую совокупность мыслительных схем, элементов ценностной ориентации, систему моделей действия и поведения.

Картина мира имеет познавательную природу и моделируется в человеческом сознании посредством языка. Картину мира невозможно понять, не обращаясь к языку: картина мира порождается сознанием, которое реализует ее, используя язык в качестве посредника. Именно через язык мы воспринимаем картину мира языкового коллектива. Язык, будучи концентрированным выражением картины мира лингвоэтнического сообщества, фиксирует миропонимание, связанное с культурой. Таким образом, миропонимание представляет собой интегрирующее звено между языком и культурой.

С одной стороны, видение мира закреплено в языке, а с другой – язык в известной степени сам «навязывает» языковому сообществу то или иное мировидение, активно участвуя в формировании нашего восприятия объективного мира. Однако мировидение образуется не языком, а познанием. Разным языкам не соответствуют разные типы познавательных процессов. Формирование

различных языковых картин мира обусловлено прежде всего сознанием в его познавательной деятельности и самой объективной действительностью. Языковая картина мира реализует концептуальную картину мира, которая есть вторичное существование объективного мира. Языки не отражают объективный мир, а фиксируют и преломляют его, закрепляя в языковых картинах особенности мировидения своего народа и его концептуальной картины мира.

Каждая национальная целостность – народ, страна, культура – имеет особое мировоззрение, уникальную шкалу ценностей. Именно поэтому, осуществляя перевод, следует делать поправку на национально-культурную систему понятий и ценностей, то есть учитывать тот факт, что представители другого народа видят мир несколько иначе, чем мы, носители родного языка и участники своего родного культурного пространства. Владимир Набоков на вопрос: «Как он себя чувствует при переходе с русского языка на английский и наоборот?» – ответил: «Я открываю новый мир и испытываю интеллектуальное счастье».

Языковые картины мира и особые речевые языковые ментальности различных народов, формируемые особенностями мышления, познания и спецификой отражения и «членения» мира в культуре и языке, проявляются в текстах на иностранных языках, которые имеют национальную окраску и выходят за пределы речевой нормы родного языка (но лишь с точки зрения носителей родного языка). В основе национально обусловленного видения мира – глубинные когнитивные структуры, которые связаны с общностью логического строя мысли. Язык выступает инструментом для структурирования действительности при ее отображении человеком и в известной степени «принуждает» индивидуумов использовать определенные речемыслительные способы восприятия действительности. И хотя логические закономерности мышления формируют универсальный аспект языков, они не всегда реализуются в аналогичных языковых структурах.

Образно говоря, каждый язык по-разному членит окружающий мир при наложении конкретной языковой схемы на внемлингвистический опыт и способы его восприятия, преломляемые сквозь мышление. Поэтому членам каждой лингвоэтнической общности свойственны собственное национальное мировосприятие и особые типы номинации, которые находят отражение не только в языковой семантике, но и в моделях образного представления мира.

В контексте исследования национально-культурного мировидения не утратила своей актуальности мысль В. фон Гумбольдта и его последователей: не существует более надежного средства осознать внутреннюю форму своего собственного языка, кроме как перенестись полностью в мир другого языка и обнаружить индивидуальную картину мира этого другого языка в сравнении с иными языками. Изучая иностранный язык, можно

объяснить особенности культуры носителей этого языка и, наоборот, изучая культуру того или иного языкового сообщества, можно понять и объяснить особенности языка, на котором говорят члены данного языкового сообщества.

Перевод, будучи межъязыковым и межкультурным посредничеством, является инструментом двуязычной межнациональной коммуникации, то есть такого общения, при котором взаимодействуют субъекты, принадлежащие к разным национальным культурам. Именно в процессе перевода ярче всего проявляются этнокультурные особенности контактирующих мировидений. Перевод успешен и адекватен, когда носители разных языков и культур не только осознают, что они «другие», но понимают и толерантно воспринимают «чужеродность» партнеров по двуязычной коммуникации, национальное своеобразие их языковой картины мира.

Язык в известной степени формирует духовное своеобразие народа и его психологию. Поэтому народный характер можно отчасти раскрыть и через проникновение в структуры и единицы языка. Каким образом наиболее яркие черты столь трудноуловимых понятий, каковыми являются национальный характер и национальная культура, отражаются в языке? И наоборот, отражением каких национальных особенностей, типичных черт народа являются уникальные номинации языка? Когда речь заходит об испанцах, то многие зарубежные и отечественные специалисты говорят об «особой испанской манере бытия», «общеевропейской неповторимости», «уникальном испанском мире». Некая закономерность, свойственная только жителям Испании, заставляет испанцев в совершенно определенном ключе воспринимать любые события и действовать не так, как поступили бы на их месте представители других народов.

Среди важных особенностей испанского коллективного сознания отмечается их пиетет перед прошлым: значимые события настоящего практически всегда интерпретируются и оцениваются с оглядкой на события и установления прошлого. В основе испанского характера лежат индивидуализм, эмоциональность и общительность. К другим традиционным чертам национального характера жителей Испании, к их психологическим и культурным особенностям относят праздность, жизнерадостность, экспрессию чувств, экстравертность, темпераментность, мир дуэнде, который является одним из главных и самых таинственных концептов испанского национально-культурного мировидения. Хосе Ортега-и-Гассет указывал на то, что испанцы не мыслят своей жизни без постоянного общения, они всегда готовы прийти на помощь. Испанцев интересует не действие, а порыв, подвиг, не труд, а праздник. Жизнь воспринимается ими страстно, напряженно, восторженно. Не этими ли качествами испанского национального характера объясняются некоторые особенности самого испанского языка?

Испанская модель мировидения, равно как русская модель мировидения, а также испанская языковая картина мира и русская языковая картина

мира находят выражение не столько в отдельных языковых единицах, сколько в речевых произведениях на этих языках. Например, носители русского языка и русской культуры могут увидеть испанский образ мира глазами испанцев, но для этого русским необходимо «обрести» добавочное зрение и переступить порог их речевого и языкового сознания, поскольку с каждой национальной картиной мира связан свой собственный способ мировидения, одним из генезисов которого выступает специфика национального характера.

Противником такого подхода являлся М.М. Бахтин, который полагал неверной мысль о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою (невольно задаешься вопросом: зачем при этом забывать свою культуру? – В.И.), глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Впрочем, далее отечественный мыслитель признавал, что известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами есть необходимый момент в процессе ее понимания, но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом (почему понимание должно исчерпываться одним этим моментом? – В.И.), то оно было бы простым дублированием и не несло бы ничего нового и обогащающего. В то же время высказывание М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже», говорит о том, что он являлся скорее сторонником, нежели противником идеи о взгляде «извне». Как не вспомнить в этой связи высказывание испанского философа Мигеля Унамуно: «Пока народ будет говорить по-испански, он также будет думать и чувствовать по-испански» (*«Mientras un pueblo hable español, sentirá y pensará en español también»*).

Идиоматичное владение иностранным языком и оптимальный перевод предполагают не только преодоление «навязываемых» родным языком и речью способов восприятия действительности, но и овладение приемами иноязычной интерпретации окружающей среды. Переводчик должен уметь преодолевать понятийные стереотипы исходного языка, чтобы «оказаться» в языковой картине мира переводящего языка. Существующие в каждом языке на стыке когнитивных, языковых, речевых и социокультурных структур речемыслительной деятельности особенности национального восприятия и номинации формируют национально-психологический или этноречевой компонент коммуникации. Этноречевая линия детерминации переводческих решений срабатывает чаще всего при переводе художественных и публицистических текстов и порой оказывается весьма релевантной.

Таким образом, в качестве неперемного условия достижения адекватного перевода выступает профессиональное умение опытных переводчиков преодолевать понятийные стереотипы и национально-культурные традиции коммуникации на исходном языке для того, чтобы «оказаться» в языковой картине мира носителей переводящего языка. Переводные тексты, в которых

не учтены национально-культурные особенности речевой коммуникации на переводящем языке, воспринимаются его получателями не вполне естественными и не могут рассматриваться как полностью адекватные.

Профессиональные переводчики часто встречаются в текстах на иностранных языках особые лексические единицы, стилистические обороты, образные выражения, синтаксические конструкции и текстовые структуры, которые в звучащей или в письменной речи оказываются непривычными и неожиданными для нас, носителей русского языка: *el inquilino del Palacio Corondolet*; *el Ministerio de Exteriores israelí, alérgico a toda injerencia en sus asuntos internos*; *protagonizar la cumbre*.

Странно выглядели бы эти испанские номинации в переводах на русский язык, если бы переводчики сохранили их буквальное наполнение: *el inquilino del Palacio Corondolet* – *квартирант дворца Корондолет* вместо *хозяин дворца Корондолет* или *эквадорский президент*; *el Ministerio de Exteriores israelí, alérgico a toda injerencia en sus asuntos internos* – *министерство иностранных дел Израиля, у которого вызывает аллергию любое вмешательство в свои внутренние дела*, вместо *министерство иностранных дел Израиля, которое не приемлет* любое вмешательство в свои внутренние дела; *protagonizar la cumbre* – *протомизировать* встречу на высшем уровне вместо *стать главным действующим лицом* встречи на высшем уровне.

Между тем подобные феномены, сам факт их появления в речи и обоснование с различных точек зрения – носителей родного языка, носителей иностранного языка, специалистов в области контрастивной лингвистики и, наконец, теоретиков перевода и практикующих профессиональных переводчиков – не подпадают ни под одну из традиционно признаваемых современной лингвистикой и теорией перевода причин расхождений между различными языками. А именно расхождений на уровнях языковых систем, языковых норм и речевых норм (узусов). Иными словами, подобные речевые номинации оказываются тем, что остается «за вычетом» общепризнанных «классических» причин межъязыковых различий. Обусловленность таких номинаций мы усматриваем в неповторимом национально-культурном мировидении, свойственном каждому языковому сообществу. «Экзотические» для иноязычного получателя языковые номинации на исходном языке представляют собой еще одну, ту самую «ускользавшую» до сих пор от исследователей, *четвертую причину расхождений* между языками.

Дифференциал национально-культурных мировидений различных языковых сообществ, вступающих в переводческое посредничество, с которым столь часто и в разных проявлениях сталкиваются профессиональные переводчики, заставляет нас повысить статус этноречевого детерминанта коммуникативной деятельности переводчика. Этот детерминант претендует на роль полноценного и

самостоятельного фактора адекватного перевода. Важнейшим его отличительным признаком является интегративный характер, поскольку его действие распространяется, помимо собственно национально-психологического компонента, также на культурологический, текстовый и реченормативный детерминанты.

Манифестации национально-культурных мировидений членов различных лингвоэтнических общностей формируют национально-культурный дифференциал, который подлежит нейтрализации в процессе перевода. Остановимся на некоторых проявлениях испанского мировидения, релевантных для перевода. Испанские медиатексты насыщены лексикой, употребление которой во многих ситуациях связано с особыми лингвокультурными традициями испаноговорящего сообщества и непривычно для русских читателей и слушателей. Речь идет о разножанровой и неожиданной лексике (если говорить о речевых традициях и ожиданиях членов иной лингвокультурной общности), которая используется журналистами, пишущими на испанском языке, в коннотативно-нейтральных ситуациях либо в текстах, где описываются события повышенной общественной значимости. Подобная «обычная» или не совсем «обычная» (для обладателей иного национально-культурного мировидения) лексика заимствуется авторами испаноязычных медийных текстов из предметно-тематических и жанровых сфер, не относящихся к описываемым событиям. Такими гетерогенными сферами для нейтрального политического или экономического дискурса могут стать медицина, спорт, явления природы, физика, архитектура, военное дело и другие области человеческой деятельности.

Семантический диссонанс, возникающий на контрасте «нейтрального» смысла и коннотативно окрашенной разножанровой лексики, фиксирует в испанских текстах одну из наиболее ярких особенностей испанского национально-культурного мировидения. Следствием невозможности использования в переводном тексте аналогичных по своему предметно-тематическому и жанрово-стилистическому статусу русских эквивалентов для «неприемлемых» (с точки зрения носителей русского языка) испанских слов и выражений становятся вокабулярные адаптации, а именно: лексические добавления и/или лексические замены в тексте перевода, которые обеспечивают более «сдержанный» лексический стандарт русского медийного пространства.

При лексических заменах вместо необычных испанских слов или выражений используются русские лексические обороты, которые более уместны в публицистических текстах на русском языке и отвечают речевым предпочтениям пользователей русского политического дискурса. Прием лексического добавления заключается в том, что в переводной текст вводится дополнительное слово или словосочетание, что придает русскому тексту необходимую прагматическую и стилистическую корректность. Ситуация услож-

няется в тех случаях, когда в испанском тексте появляется лексика, тематически «чужеродная» описываемой предметной ситуации, иными словами, лексика, место которой – в иных тематических и жанровых сферах: *Varios intentos de **contener la hemorragia*** (букв.: «сдерживать кровотечение») *de crudo resultaron para BP un fracaso y hubo que **empresar de cero***. – Несколько попыток **перекрыть утечку нефти** не увенчались успехом, и BP должна была начать все сначала.

Медицинский термин *hemorragia* придает испанскому информативному тексту особую метафоричность и создает яркий образ. Вряд ли можно представить себе, что при описании аналогичной ситуации на русском языке в тексте появится слово «кровотечение». Медицинские термины, обозначающие тяжелые, порой опасные для жизни человека заболевания, находят все более широкое распространение на страницах испанских средств массовой информации в рамках политического, экономического, юридического дискурсов. Обращает на себя внимание частое использование на страницах испанской периодической печати существительного *colapso*: *El FMI alerta de otro **colapso financiero*** (букв.: «финансовый коллапс») *por la fragilidad de la banca europea*. – МФВ предупреждает о грядущей новой **финансовой катастрофе**, вызванной хрупкостью европейской банковской системы.

Терминологическая «чужеродность», приводящая к семантическому диссонансу, выполняет важную стилистическую функцию, направленную на усиление экспрессии и привлечение внимания читателей к экстраординарным явлениям и событиям, как правило, со знаком «минус». Всплеск интереса со стороны испанского медийного сообщества к тематически гетерогенной лексике совпал по времени с мировым финансовым кризисом. Терминология из предметно-тематических областей, не свойственных описываемым ситуациям, все чаще стала заменять традиционные экономические термины или пополнять их список: *En medio de **la tarde de infarto*** (букв.: «инфарктный вечер») *de ayer en Atenas, el recién investido vicepresidente de la Comisión Europea y el Comisario del euro, salió a reclamar “un gobierno de unidad nacional” a los griegos*. – Вчера в Афинах в условиях **острого кризиса** только что назначенный заместитель председателя Европейской комиссии и комиссар по вопросам евро призвал греков «сформировать правительство национального единства». *Grecia tiene un 16% de paro, menos que España, pero su economía no sale del **coma*** (букв.: «кома») *visto el **termómetro*** (букв.: «термометр») *de la crisis*. – Показатель безработицы в Греции, составляющий 16%, ниже, чем в Испании, однако греческая экономика не выходит из **крайне тяжелого состояния**, о чем свидетельствуют **показатели кризиса**.

Не является ли это обстоятельство свидетельством особых, неповторимых черт испанского и лагиноамериканского характера, таких, как стремление к эпатажу, преувеличенное эмоциональное отношение к непростым жизненным ситуациям, образность мышления и проведение мыслительных

и вербальных параллелей с явлениями иной предметной области, нестандартное видение происходящего в окружающем мире? Впрочем, и в отечественной журналистике, и не в последнюю очередь под влиянием современных западных средств массовой информации, встречается слово «кома» в указанном значении. Приведем пример: «*Не исключался едва ли не **апокалиптический** (sic!) вариант – распад партии на несколько группировок или ее многолетняя политическая **кома***».

Для медийной сферы, где функция воздействия во многих случаях преобладает, языковые и речевые нормы, как это ни парадоксально звучит, востребованы также и для того, чтобы их можно было нарушать, обыгрывать, создавать неожиданные коннотации, яркие стилистические приемы, новые оттенки значений. Похоже, драматичность ситуации в финансовой и экономической сферах вынуждает испаноязычных авторов, которым уже не хватает языковых средств, прежде всего лексических, имеющихся в распоряжении той или иной предметной области, выходить за очерченные границы установленных жанрово-тематических предписаний. Подключение неожиданных языковых ресурсов для описания новых вызовов времени – один из ответов носителей испанского языка на постоянно меняющийся калейдоскоп мировой жизни.

Другая предметная область, терминология которой становится привычной для испанской прессы при описании политических событий, – природные и физические явления. Использование слов, обозначающих эти явления, обусловлено, в частности, «нестандартными» в интеллектуальном отношении действиями (*el duelo catódico*): *Rubalcaba y Rajoy han vuelto a revisar ahora **el duelo catódico*** (букв.: «катодная дуэль») *de 2008*. – Рубалькаба и Рахой повторили **сейчас острую словесную дуэль 2008 г.**

Обозначения стихийных бедствий вкупе с прилагательными экономической семантики создают стилистический эффект и вписываются в национально-культурное мировидение испанцев: *A su vez, la mayor distancia que ambas economías han puesto respecto del mercado financiero mundial ha rendido sus frutos. Los remezones en el centro del sistema llegan a nuestra periferia no como tsunamis sino como olas fuertes y encrespadas, **turbulencias*** (букв.: «турбулентность») *pero que se pueden «**surfear**»* (букв.: «заниматься серфингом»). – В свою очередь, **большая дистанция, которую установили обе экономики в отношении мирового финансового рынка, принесла свои плоды. Отголоски от подземных толчков в центре системы приходят к нам не в виде цунами, а в виде сильных, внахлест, волн, водоворотов, которые, однако, можно преодолеть, поймав волну.**

Глагол *surfear*, как и прилагательное *maratónica*, демонстрирует потенциал спортивной терминологии в испанских политических и экономических текстах: *El presidente Álvaro Uribe Vélez cerró ayer tres días de **una maratónica gira** por Washington*. – Президент (Колумбии) Альваро Урибе Велес завершил **вчера насыщенный мероприятиями трехдневный визит в Вашингтон**. Испанские журналисты не забывают и о военной терминологии, помещая ее в

контексты, в которых не всегда описываются боевые действия. Неожиданное, с точки зрения русской-язычных получателей, появление военной лексики в «миролюбивом» дискурсе отвечает ожиданиям испаноязычной аудитории и придает повествованию особую эмоциональность: *Su audacia y el éxito del rescate le permitieron ascender en los sondeos hasta un 63% de aprobación y catapultaron* (букв.: «катапультировали») *al ministro Golborne como un posible candidato de la derecha a las elecciones presidenciales de 2013. – Его смелость и успех спасательной операции повысили его рейтинг в опросах общественного мнения до 63% и привели к выдвижению министра Голборна в качестве возможного кандидата правых на президентских выборах 2013 года.* Использование не самого «политкорректного» глагола *catapultar* в контексте упоминания о высокопоставленных политических деятелях (*catapultaron al ministro Golborne*) иллюстрирует языковую толерантность испанского мировидения.

Особое место в испанской национально-культурной картине мира занимает тематика, связанная с избирательной кампанией и выборами. Речь идет, прежде всего, о существительном *urnas*, которое весьма часто встречается на страницах испанских газет и журналов в событийном оттенке значения, не свойственном русскому существительному урна: *En apenas 15 días, italianos y griegos han visto como la crisis de la deuda soberana tumbaba como ramitas en medio de un vendaval los Gobiernos que habían surgido de las urnas* (букв.: «возникли из урн»). – *Всего лишь за 15 дней итальянцы и греки стали свидетелями того, как в результате долгового кризиса рухнули, словно ветки дерева под напором ураганного ветра, правительства, которые пришли к власти по итогам выборов.* *Kosor, líder conservadora recientemente aplastada en las urnas* (букв.: «раздавленная в урнах») *por el socialdemócrata Milanovic, aseguró no tener dudas de que su país asumirá plenamente el acervo comunitario.* – *Лидер консерваторов Косор, которая недавно проиграла на выборах социал-демократу Милановичу, заверила, что у нее нет сомнений в том, что ее страна (Хорватия) воспримет в полном объеме достояние ЕС.*

Из вышесказанного вытекает важный практический вывод: в переводах с русского языка на испанский политических, экономических, юридических текстов, в которых описываются события повышенной социальной значимости, желательно использовать слова «чужеродной» предметно-тематической принадлежности. Однако ими не следует злоупотреблять, поскольку формируемый при этом семантический диссонанс, который погружает получателей переводных текстов в востребованное испаноязычной аудиторией национально-культурное мировидение, эффективен своим точечным воздействием, а не размытой по всему тексту перевода имплементацией слов и выражений, заимствованных из иных понятийных сфер.

Испанские публицистические тексты насыщены яркими, неожиданными для нас стилистическими оборотами. Их буквальный перевод вызывает у русскоязычных читателей недоумение, поскольку

аналогичным текстам на русском языке свойственна, как правило, стилистическая сдержанность и языковая умеренность. При переводе уместными оказываются переосмысления ярких стилистических образов. Однако национально-культурная адаптация коммуникативного замысла автора переводимого текста к мировидению лингвокультурной общности, в интересах которой создается текст перевода, приводит, как правило, к утрате национально-культурной составляющей авторского задания: *No hay duda de que Estados Unidos ha visto drenado su liderazgo mundial* (букв.: «/США/ увидели дренированным свое мировое господство») *luego de la intervención bélica en Irak. – Нем сомнения в том, что заметно ослабили позиции Соединенных Штатов как мирового лидера после военного вторжения в Ирак.*

Стилистическим канонам испанского языка свойственны известная категоричность суждения, «громкие» слова, излишний пафос и высокий «штиль». Использование испаноязычными авторами «броских» образов обусловлено их ориентацией на привычные ожидания испаноязычной аудитории, которые связаны с преодолением этнокультурных стереотипов. Яркие черты национального характера испаноговорящих народов – экспрессия чувств, живость темперамента, образное мышление – преломляются в выражениях с яркими, запоминающимися стилистическими образами. С другой стороны, коннотативно окрашенные обороты представляют языковое и речевое отражение уникальных национальных черт народов, говорящих на испанском языке.

Все это вынуждает переводчиков переформулировать нестандартные способы выражения идей авторов испанских медийных текстов с целью обеспечить русским читателям жанрово-стилистическую приемлемость восприятия. Переводческое переформулирование затрагивает, разумеется, приемы языковой номинации и не должно искажать компоненты авторского замысла. Нередко в переводах на русский язык приходится снижать в разумных пределах стилистический регистр даже всей испанской фразы. Речь идет о высокопарных, излишне образных выражениях, усложненных синтаксических конструкциях, столь характерных для речи испанцев и непривычных для русских читателей и слушателей. Приведем пример перевода на русский язык фрагмента выступления председателя избирательной комиссии небольшой латиноамериканской страны: *Aún queda una hora y como en nuestro país las sorpresas son la regla y no la excepción, es mejor no dar a ningún rival por vencido hasta que termine el último asalto* (букв.: «до тех пор пока не закончится последний штурм»). – *Еще остается один час, и, поскольку в нашей стране сюрпризы – правило, нежели исключение, лучше не объявлять о поражении любого кандидата до тех пор, пока не будут закрыты избирательные участки и подсчитаны все бюллетени.*

Национально-культурную обусловленность мы усматриваем также в распространенной в современном испанском языке синтаксической модели

«существительное + прилагательное», первый компонент которой (существительное) имеет событийную семантику, а второй (прилагательное) – может передавать значение событийности, обозначать имя собственное (как правило, фамилию известного политического деятеля) или топоним.

Своеобразие этой модели придают именно прилагательные, которые в испанских текстах используются в событийном значении, не свойственном по определению этим прилагательным, и прежде всего тем из них, которые образованы от имен существительных событийной семантики: *formación de los procesos decisoriales* (букв.: «решенческие» процессы) – формирование **процессов принятия решений**, *análisis economicista* (букв.: «экономистический» анализ) – **анализ состояния экономики**, *referéndum soberanista* (букв.: «суверенитетский» референдум) – **референдум по вопросу о предоставлении суверенитета**, *repercusión mediática* (букв.: «медиатический» отклик) – **отклики в средствах массовой информации**, *candidato electoral* (букв.: «электоральный» кандидат) *del PSOE – кандидат на (парламентских) выборах от ИСПИ*; *los apoyos electorales* (букв.: «электоральные» поддержки) – **поддержка на выборах**; *alcanzar un triunfo reivindicativo* (букв.: «требуемый» триумф) – **добиться успеха в борьбе за удовлетворение справедливых требований**.

Благодаря одновременному использованию двусобытийных имен в рамках одной конструкции достигается семантическая емкость фразы. Компрессия средств языкового выражения при содержательной насыщенности и стилистической выразительности делает фразу динамичной и стилистически экспрессивной. На страницах испанских газет и журналов нередко можно встретить новые слова, которые не зафиксированы испанскими толковыми словарями. Этот факт говорит о том, что испанские журналисты в целом чаще и легче создают неологизмы, используя основы уже существующих лексем и разветвленную систему суффиксальной деривации в испанском языке. Разумеется, неологизация не является следствием абсолютного субъективного «произвола» их испанских авторов, а опирается на очевидный повышенный словообразовательный потенциал испанского языка.

Подтверждением значительности словообразовательных ресурсов современного испанского языка в области медийных текстов служит следующий фрагмент связного текста. Существительное *marianismo* и прилагательное *marianista* – неологизмы. Они образованы от имени собственного известного испанского политического деятеля (примечательно от его имени, а не фамилии) посредством продуктивных моделей словообразования: суффикса *-ismo* (для формирования имени существительного) и суффикса *-ista* (для формирования имени прилагательного). Эти две лексемы фиксируют новую политическую ситуацию в Испании, когда в результате состоявшихся в ноябре 2011 г. досрочных парламентских выборов победила Народная партия и ее лидер Мариано Рахой стал новым Председателем испанского правительства:

Los nombramientos de ayer fueron un auténtico ejercicio de marianismo puro. Los cuatro son hombres, demostrando lo poco que a Rajoy le preocupa la paridad. La primera foto del nuevo poder marianista así lo atestigua: todo trajes y corbatas. – Вчерашние назначения явились в чистом виде настоящим воплощением практических действий Мариано Рахой. – Все четверо – мужчины. И это свидетельствует о том, как мало беспокоит Рахой гендерный паритет. Это подтверждает первая фотография нового правительства Мариано Рахой: сплошь костюмы и галстуки.

Нельзя не упомянуть еще одну особенность, связанную с речевой манифестацией испанского национально-культурного мировидения. Она заключается в тенденции к повышенной семантической емкости при речевой номинативной сжатости (компрессии) испанских выражений. При этом ограничивается число фильтров и запретов сочетаемостного характера. Иными словами, испанцы во многих случаях более лаконичны. Переводческим следствием указанного явления становится необходимость обеспечения корректного языкового оформления текста на русском языке за счет лексических добавлений разного объема: *El «cableado» (букв.: «сеть проводов») de España puede suponer un enorme impulso renovador en un futuro no muy lejano. – Развитие в Испании информационных технологий может стать важным инновационным импульсом в не столь отдаленном будущем.*

Функцию лексического конденсирования берут на себя также испанские предлоги, которые «забирают» часть семантической информации при сохранении смыслового тождества, например: *países en dificultades (países que afrontan dificultades) – страны, сталкивающиеся с трудностями*; *elecciones a celebrarse en mayo (elecciones que van a celebrarse en mayo) – выборы, которые состоятся в мае*; *de celebrarse elecciones generales, los tories podrían obtener una mayoría absoluta (si se celebraran elecciones generales, los tories podrían obtener una mayoría absoluta) – если бы состоялись всеобщие выборы, консерваторы получили бы абсолютное большинство.*

Семантическая емкость на фоне номинативной сжатости достигается порой на грани нарушения лексико-семантических норм испанского языка: *Valencia cierra 262 camas hospitalarias* (букв.: «закрывает госпитальные кровати») *para ahorrar. – В Валенсии в целях экономии прекращается финансирование и прием пациентов на 262 больничные койки.*

В этой связи нельзя не согласиться с парадоксальным на первый взгляд высказыванием С.Г. Тер-Минасовой о том, что «нормы нужны для того, чтобы можно было их нарушать и таким образом обыгрывать новые неожиданные коннотации». Впрочем, гораздо ранее по этому поводу высказывался академик Л.В. Щерба, который полагал, что когда у человека чувство нормы воспитано, то тогда он и начинает чувствовать всю прелесть обособленных отступлений от нее у разных хороших писателей.

Подведем итоги. Даже те немногие проявления испанского национально-культурного мировидения, о которых мы упомянули, свидетельствуют о том, что адекватный перевод немалозначим без выхода за пределы своей культуры и своего языка и без устранения инерции, которую нашей мыслительной деятельности сообщает своеобразная классификация опыта родного языка и родной культуры. С другой стороны, адекватный перевод невозможен без овладения способами и приемами иноязычного и инокультурного восприятия действительности и перехода с точки зрения исходного языка и «исходной» культуры на точку зрения переводящего языка и «переводящей» культуры.

Некоторые яркие черты испанского и латиноамериканского национального характера находят отражение в лексических единицах, фразеологических оборотах, грамматических конструкциях и текстовых структурах испанского языка. И наоборот, отдельные уникальные испанские языковые и речевые номинации фиксируют проявления национального

характера испанцев и жителей Латинской Америки. Поэтому, изучая испанский язык и сопоставляя исходные испанские тексты и тексты их переводов на русском языке, можно объяснить особенности культуры носителей испанского и русского языков. И соответственно, изучая культуры испаноязычного и русскоязычного сообществ, мы постигаем и объясняем специфику языков, на которых говорят члены этих языковых коллективов.

Использование в переводах форм выражения национально-языковой картины мира того языка, на который осуществляется перевод, придает тексту перевода необходимый колорит, приводит (разумеется, при соблюдении всех остальных непеременимых условий) к созданию текста перевода, который обладает национально-культурной аутентичностью и отвечает ожиданиям его получателей с точки зрения национально-культурных стереотипов восприятия. Это позволяет избежать «русифицированного» перевода (при переводе на испанский язык) или «испанизированного» перевода (при переводе на русский язык).

Список литературы

1. Unamuno M. 1976, *Por tierras de Portugal y de España*. Madrid: Gredos. 188 p.
2. Астахова Е.В. Испания как метафора // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 60-65.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998. 430 с.
5. Дуран Луке Х., Монхон Посас Ф. Испанский язык и национальный характер испанцев (пример видения мира) // Язык и речевая деятельность. СПб: изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. Том 1. С. 88-99.
6. Звегинцев В.А. Прагматика, семантика и естественный язык // Сопоставительно языковедение. София, 1985. Том 10. № 5. С. 39-52.
7. Иовенко В.А. Теоретический курс перевода. Испанский язык. М.: ЧеРо, 2005. 132 с.
8. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.
9. Ковалишин П.Ю. Принцип междисциплинарности в исследовании языковой картины мира // Филологические науки. 2011. № 3. С. 84–92.
10. Кожановский А.Н. Быть испанцем: традиция, самосознание, историческая память. М.: Аст, Восток-Запад, 2006. 318 с.
11. Лобанова Л.П. Языковая картина мира и ее описание в философии языка В. фон Гумбольдта // Филологические науки, 2010. № 1. С. 64–74.
12. Орлов А.А. Трудные времена европейской социал-демократии: испанский пример // Международная жизнь. 2012. № 1. С. 68-75.
13. Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев: Новый Круг-Пор-Рояль, 1994. 318 с.
14. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
15. Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Радченко О.А. *Speculum vitae: от функциональной грамматики к идиоэтнической философии языка*. М.: Тезаурус, 2012. С. 9-62.
16. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
17. Швейцер А.Д. Контрастивная лингвистика и теория перевода // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука, 1987. С. 157-167.

Об авторе

Иовенко Валерий Алексеевич – д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой испанского языка, МГИМО(У) МИД России. E-mail: viovenko@rambler.ru

NATIONAL WORLDVIEW IN BILINGUAL COMMUNICATION

V. A. Iovenko

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article analyses the concept “national and cultural worldview” in the size of bilingual communication, examines peculiarities in mass media texts translation. The article establishes important types of divergences between Spanish and Russian worldviews which are relevant for translation, for example: abundance in Spanish mass media texts of specific and exotic national idiomatic units, bright stylistic locutions, figurative expressions, syntactic constructions, text structures which, when used in oral and written speech sound weird and unexpected for Russian native speakers. Spaniards often use words from different spheres of life (sports, medicine, warfare, etc) in political communicative situations. The research finds that the Spanish language tends to actively coin new words and combination patterns of “event” semantics. The article gives examples from Spanish-Russian translations and proposes ways to overcome divergences in the context of the Spanish worldview. The author makes conclusion that the national and cultural distinctions are the fourth reason, besides systems, norms and uses, of differences between languages.*

Key words: national and cultural worldview, Spanish, mass media texts, translation/interpretation.

References

1. Unamuno M. Por tierras de Portugal y de España [By land of Portugal and Spain]. Madrid, Ed. Gredos, 1976. 108 p.
2. Astakhova E.V. Spain as metaphor. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2011, no. 6, pp. 60-65. (in Russ.).
3. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
4. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. Moscow, Academia Publ., 1998. 430 p.
5. Duran L.J., Monjon P.F. Spanish language and national character of Spaniards (example of worldvision). Iazyk i rechevaia deiatel'nost' [Language and Speech]. St. Petersburg, SPb Univ. Publ., 1998, vol. 1, pp. 88-99.
6. Zvegintsev V.A. Pragmatics, semantics and natural language. S' postavitelno ezikoznanie [Comparative Linguistics], 1985, vol. 10, no. 5, pp. 39-52.
7. Iovenko V.A. Teoreticheskii kurs perevoda. Ispanskii iazyk [Theory of translation. Spanish]. Moscow, ChEro Publ., 2005. 132 p.
8. Kasevich V.B. Semantika. Sintaksis. Morfologija [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 309 p.
9. Kovalishin P.Iu. Principle of interdisciplinary in research of idiomatic world picture. Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2011, no. 3, pp. 84-92. (in Russ.).
10. Kozhanovskii A.N. Byt' ispantsem: traditsiia, samosoznanie, istoricheskaiia pamiat' [To be a Spaniard: Tradition, selfconsciousness, historical memory]. Moscow, Ast; Vostok-Zapad Publ., 2006. 318 p.
11. Lobanova L.P. Idiomatic world picture and its description in language philosophy of W. von Humboldt. Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2010, no. 1, pp. 64-74. (in Russ.).
12. Orlov A.A. Difficult times of European social-democracy: Spanish example. Mezhdunarodnaia zhizn' [International Life], 2012, no. 1, pp. 68-75. (in Russ.).
13. Ortega y Gasset J. Etiudy ob Ispanii [Essays about Spain], Kiev, Novyi Krug-Por-Roial' Publ., 1994. 318 p.
14. Radchenko O.A. Iazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaia kontseptsiiia neogumbol'dtiansstva [Language as a world creation. Linguistic and philosophic conception of neohumboldtiness]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 312 p.
15. Radchenko O.A. Linguistic and philosophic experiences of W. von Humboldt and postgumboldtiness. Radchenko O.A. Speculum vitae: ot funktsional'noi grammatiki k idioetnicheskoi filosofii iazyka [Speculum vitae: From functional grammar to idioetnic philosophy of language]. Moscow, Tezaurus Publ., 2012, pp. 9-62.
16. Ter-Minasova S.G. Voina i mir iazykov i kul'tur [War and peace of languages and cultures]. Moscow, Slovo Publ., 2008. 344 p.
17. Shveitser A.D. Contrastive linguistic and the theory of translation. Sopostavitel'naia lingvistika i obuchenie nerodnomu iazyku [Comparative linguistics and non-native language teaching]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 157-167.

About the author

Valery A. Iovenko – Professor, Head of Spanish Department, MGIMO-University. E-mail: viovenko@rambler.ru